М. Браксаторис (Братислава, Словакия)

Образ гуситов как предшественников словацких евангеликов в трудах словацких писателей¹

Аннотация: Начиная с XVIII века словацкие евангелические авторы включают феномены гуситства, искровцев и братьев в историю евангелической церкви. Статья посвящена дихотомии историко-фактографического и символического планов и определяющим признакам символического понимания указанных темы гуситско-евангелической преемственности в Словакии в исторических трудах и трактатах словацких евангелистов.

Ключевые слова: гуситы, Словакия, евангелизм, преемственность

M. Braxatoris (Bratislava, Slovakia)

The Image of Hussites as Predecessors of Slovak Evangelicals in Works of Slovak Writers

Abstract: Since the 18th century, Slovak Evangelical authors include the phenomena of the Hussite movement and of Jiskra and bratrik movement into Evangelical ecclesiastical history. The paper focuses on the dichotomy of the historical-factual and symbolic planes and on the constitutive signs of symbolic grasping of the theme of Hussite-Evangelical continuity in Slovakia in Historical Works and Tracts of Slovak Evangelicals.

Key words: Hussites, Slovakia, Evangelicalism, continuity

Исследуя образ гуситов в исторических работах и трактатах словацких евангеликов, мы часто сталкиваемся с дихотомией исторических фактов и определенного символического комплекса, вследствие этого элементы текстов получают целый спектр новых качеств и значений. Этот комплекс связан с характером исторической памяти. В связи с этим мы постараемся определить *фактографический* и *символический уровни* исследуемых текстов. Примером является включение гуситов, наемников Яна Искры (в дальнейшем будем говорить об «искровцах») и братьев («bratříci»; буквально «братишки») в Гемере, Малохонте и Новограде в историю евангелической церкви. Поиски начал и корней словацкой реформации в эпоху Яна Искры представляют собой часть традиции, функции которой в прошлом заключались в защите законности и пространства для развития евангелических традиций.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта VEGA 2/017/17 «Príležitostná básnická tvorba Juraja Palkoviča, Bohuslava Tablica a Pavla Jozefa Šafárika».

ВЫБОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

В данной статье мы сосредоточим внимание на литературных памятниках, которые претендуют на историчность представленной ими точки зрения, хотя критерий историчности во время их возникновения понимали иначе. Выборка охватывает различные произведения евангелических писателей с первой половины XVIII в. до первой половины XX в. Приблизительно на рубеже XIX и XX столетий мы не будем затрагивать научно-литературный дискурс, а тексты будем рассматривать с точки зрения развития научного мышления в современном смысле. В связи с критериями выбора работ вне нашего поля зрения осталось много прозаических и поэтических произведений, которые непосредственно не касаются деятельности гуситов на территории Словакии («Картина преобразований чешских евангелических церквей в процветающем Чешском Королевстве» Якоба Якобеуса, проповеди Яна Коллара, частично также «Ладислав» Карла Кузмани), тексты, которые изначально рисуют художественный образ тех событий («Вальгата» Людовита Кубани), а также произведения, к которым относятся обе эти характеристики («Бомбура» Сама Халупки, «Кто за правду горит» Карола Кузмани). В нашей статье основное внимание будет уделено «традиционно гуситскому» региону Гемера и Малохонта и не будут подробно рассматриваться тексты, касающиеся других регионов (Бело Клайн-Тесноскальского «Картины из истории прешовских евангеликов», Карола Александра Модрани «Описания словацких краев», Богуслава Носака-Незабудова «Потисские воспоминания» и др.). Вне поля нашего зрения останутся беллетристические произведения чешской литературы («Братство» Алоиса Ирасека), однако к анализу будут привлечены научные точки зрения Яна Палацкого, Йозефа Добровского, Яна Коулы и Эмила Эдгара Кратохвила в связи с их влиянием на взгляды словацких авторов.

Гуситские учения могли быть отражены в словацкой литературе уже во времена Яна Гуса и гуситских войн, хотя, естественно, пока еще не могла идти речь об их рефлексии со стороны евангеликов. Среди чешских гуситов было определенное количество словаков, некоторые были литературно активны (см.: [Petrík 1969: 40–41; Varsík 1965: 164; Veselý 2004: 45–46]). Станислав Шматлак в связи с этим пишет, что хотя информация об их существовании сохранилась, «но это только отдельные лица, причем их “гуситская” литературная активность связана с пребыванием в чешской среде» [Šmatlák 1988: 135]. Большинство словаков при этом контактировали с гуситскими идеями во время обучения в Праге и частично в Кракове.

Если в XV столетии идеи, связанные с творчеством Яна Гуса, проникали в словацкое литературное творчество лишь незначительно, то в XVI столетии в словацкой литературной жизни они проявились более интенсивно. И хотя гуситская (утраквистская) религиозность в XV в. имела средневековый католический характер [Kratochvíl 1912: 9], продолжение гуситских идей в XVI в. уже отличалось реформаторским духом. При этом она была связана, в частности, с чешским новоутраквизмом и Чешскими братьями – течениями, на которые повлияли идеи Мартина Лютера или Жана Кальвина, постепенно, в ходе сложного развития, сблизившиеся в совместной борьбе за свои религиозные права. Специфика утраквизма в рамках чешской реформации состояла, кроме прочего, в его законном положении, вытекающем из базилианских компактов, что, с одной стороны, было практическим препятствием для сближения с Чешскими братьями, а с другой стороны, оно позволило большому количеству лютеран, в том числе священникам, «укрыться

под каликстинским плащом». В связи с влиянием чешской реформации в Словакии Эуген Паулини указывает, что в XVI в. «чехи, как и словаки, приезжающие после обучения или проживания и работы в Чехии, приносят к нам уtrakвистские, лютеранские и братские песенники, молитвенные и богослужебные книги и популяризируют их использование» [Pauliny 1983: 106]. Однако эти обстоятельства нельзя переоценивать; Ян Петрик на основании изучения евангелических церемониальных книг указывает, что «у нас нет ни малейшей записи или документа о том, что использовалась какая-либо богослужебная книга гуситская или братская. И все попытки, даже целые рукописные богослужебные книги, которые появлялись на территории Словакии с конца XVI столетия, подтверждают их зависимость от богослужебного направления виттенбергского» [Petrík 1948: 38]. Независимо от этого, литературная жизнь Словакии находилась под существенным влиянием реформаторских идей, в большей или меньшей степени связанных с гуситами. В контексте упомянутого влияния стоит вспомнить Якоба Якобеуса, который в 1618 г. был посвящен в уtrakвистского священника, перед эмиграцией в Чехию он служил уtrakвистским капелланом, а позже – приходским священником; на венгерском этапе своей жизни он работал в нескольких местах в качестве евангелического священника. Через чешских протестантов в используемые в Словакии песенники попало также несколько гуситских песен [Petrík 1969: 42].

Гуситские учения и присутствие гуситов, искровцев и братьев в значительной мере нашли отражение в словацкой литературе только во время Реформации, и особенно в период Просвещения и Национального Возрождения. Речь идет об отражении событий, которые относятся к двум историческим периодам: к периоду до битвы у Липан в 1434 г. и к периоду деятельности войск Яна Искры из Брандыса в Венгрии на рубеже третьего и четвертого десятилетия XV в. [Varsík 1932: 9]. Литературные тексты, развивающие тему присутствия гуситов, искровцев и братьев в Словакии, как правило, в большей степени представляют второй (послелипанский) период.

ГУСИТСКО-ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Связь с гуситами, искровцами и братьями в период Просвещения и Национального Возрождения характеризуется значительной символизацией исторического материала, которая является частью евангельской литературной традиции и исторической памяти. Гуситы становятся символом начала Реформации, литургических обычаев, чешской литературной культуры и т. д., с которого берут начало способы их тематизации в литературных текстах. При этом упомянутая традиция характеризуется наличием нескольких составных элементов, часть которых мы рассмотрим ниже.

С *исторической и фактической стороны* гуситы, искровцы и братья представляют собой (несмотря на взаимное «переплетение») разные исторические явления. Братья и искровцы в определенный период даже были врагами, находившимися на противоположных сторонах баррикад. Сами отряды искровцев были этнически и конфессионально неоднородными [Kratochvíl 1912: 16; Varsík 1932: 16]. Например, сам Ян Искра, согласно части источников, был католиком [Kvačala 1935: 16; Varsík 1932: 16]; в других источниках указывается, что он был представителем компромиссного направления в рамках уtrakвизма, причем многие проводители были католиками [Kratochvíl 1912: 17]. Кроме того, напомним, что с искровцами и братьями часто входили в сговор негуситы из местного населения.

Однако эти различия, как правило, не переносятся в *символическую плоскость*; поэтому в указанных ниже текстах упоминаются в основном только гуситы, как синоним используется термин «искровцы». В данном случае можно отметить значительное *размытие понятий гуситы, искровцы и братья, отражающих их синкретическое понимание* (далее мы будем писать только о «гуситах»). Тенденция к их дифференциации восходит в Словакии к рубежу XIX–XX вв. и к первой половине XX в.

Символическое понимание «гуситов» характеризует образ их *идиллического сосуществования и слияния с местным населением*, что позволяет включить их в тематические отношения в качестве элемента с большим положительным воздействием на культуру и духовную жизнь в регионе. С этой идеей тесно связан образ масштабной колонизации и воздействия чешских гуситов на словацкое население, что поддерживает представление об укоренении гуситских традиций в Словакии как предпосылке для дальнейшего распространения Реформации. Такое утверждение можно найти у многих евангельских авторов, причем их источником были работы Маттиаса Бела и Ладислава Бартоломеидеса. Благодаря своему авторитету значительную роль сыграли также работы более ранних авторов, особенно Антонио Бонфини и Иоанна из Турца. У Маттиаса Бела мы находим утверждение о том, что после получения прав горожан чехи осели в Венгрии [Belivs 1746: §XII]. Идеи, связанные с представлением о том, что «гуситы» колонизировали словацкие территории, оседая на них и сливаясь с местным населением, развивает со ссылкой на Иоанна из Турца Павел Йозеф Шафарик, который добавляет, что после разрешения короля Матвея (I Корвина) оставаться в Венгрии, их потомки живут там по сей день ([Schaffarik 1826: 373–374]; ср. [Palacký 1857: 449]). Концепцию обширной чешской колонизации Словакии развивает также Ян Коллар в своих поэтических произведениях [Kollár 1845: 406]. Подобным образом события описывают Людовит Штур в «Лекциях по истории славян» [Štúr 1956: 45] и Йозеф Милослав Гурбан в труде «Словакия и ее литературная жизнь» [Hurban 1846: 29]. Зрелым романтическим представителем формирующейся традиции подобного символического понимания «гуситов» является Само Томашик, в творчестве которого мы находим подобные идеи, возможно, даже в наиболее яркой форме [Tomášik 1921: 51; Tomášik 1971: 101].

Значительный отклик среди евангелистских авторов нашел взгляд Ладислава Бартоломеидеса, который в духе вышеописанных концепций утверждает, что, когда гуситы постепенно сливались с местным населением, король Матвей (I Корвин) позволил им спокойно обустраивать свои жилища, и их многочисленные потомки живут там и поныне [Bartholomaeides 1783: 4]. В упомянутой работе в качестве доказательства чешской колонизации Малохонта приводятся примеры диалектных слов якобы чешского происхождения; с этими утверждениями соглашались и более поздние авторы. Например, Юлиус Ботто, ссылаясь на Бартоломеидеса, пишет, что «словаки, населяющие Малохонт и соседние деревни... это потомки чешских гуситов, смешанных с местным населением» [Botto 1886: 85]. На рубеже XIX и XX вв. и в первой половине XX столетия *символическое понимание* Бартоломеидесом темы влияния «гуситов» критически пересматривается, что приводит к устранению их атрибутов как символического элемента. Йозеф Добровский касательно указанных примеров якобы чешских слов пишет, что они не чешские [Patera 1906: 111]; его оценка нашла положительный отклик в Словакии [Škultéty 1915: 296]. Среди первых словацких скептиков, оценивающих масштабы чешско-гуситского популяционного (и религиозного) влияния в Словакии, были

Ян Моцко и Павол Крижко [Križko 1897: 153–178], серьезную оппозицию традиционной интерпретации истории представляли взгляды Йозефа Шкультети. Стимулом, активизирующим дискуссию¹, стало издание «Братства» Алоиса Ирасека.

В работах первой трети XX столетия указывается, что населенные пункты, возникновение которых приписывают чешской колонизации во времена Искры, появились либо раньше, либо позже нее [Varsik 1932: 25]. Характеризуя дальнейшую деятельность словацких и чешских авторов после ликвидации последствий действий Искры, подчеркивают, что к тому времени «в Венгрии остались только группы братьев» [Varsik 1932: 19], «часть которых Матиаш включает в свои войска, делая их неопасными... а Владислав II в 1501 году отдал приказ изгнать гуситов из всех государственных учреждений, посадить их в тюрьму, а если они не откажутся от своей ереси, умертвить» [Kratochvíl 1912: 20]. Что касается оценки фактического сосуществования искровцев и братьев с местным населением, то в первой половине XX столетия в работах евангелистских авторов в определенной степени делается акцент на негативном влиянии, которое искровцы (и братья) оказывали на словацкое и немецкое население указанных регионов из-за причиненного им вреда ([Škultéty 1915: 296; ср. с работой иностранного автора [Meltzer 1931]; ср. также с работой католического автора [Špirko 1937: 136]). Значительный отклик в Словакии имели взгляды Ф. Палацкого [Palacký 1857: 446, 456].

Важной характеристикой «гуситов» как элемента *символического плана* является то, что через них в период после Липан в Словакии *должен был укорениться чешский – как культурный и литургический язык*. Таким образом, гуситы символически выступают источником, из которого развивается традиция использования чешского как культурного и литургического языка словацких евангеликов (см., напр.: [Hurban 1846: 29]). Символизации «гуситов» как источника экспансии чешского языка в Словакию восходит к Маттиасу Белу, который пишет, что «вихрь гуситов» способствовал «красоте и славе» чешского языка в Венгрии и привел к «процветанию нации, а также зрелости и благозвучности» языка [Belivs 1746: §XII].

Павел Йозеф Шафарик, ссылаясь на П. Долежала и Б. Таблица, указывает, что «гуситы как предшественники немецких реформаторов вызвали интерес к протестантскому учению... у словаков в Венгрии» и что с помощью их книг «чешское наречие стало литературным языком словаков» [Schaffarik 1826: 380–381]. Аналогично Людовит Штур пишет, что благодаря именно гуситам, преследуемым в Чехии, «речь чешская стала письменной у словаков» [Štúr 1956: 45]. Также Михал Милослав Годжа объясняет принятие чешского языка как культурного и литургического языка словаков тем, что чехи, осев среди словаков, стали распространять между ними святыне книги [Hodža 1970: 78].

Что касается *фактографической стороны*, можно сказать, что хотя пребывание искровцев и братьев в определенной степени могло повлиять на процессы, связанные с положением чешского языка в Словакии, однако на основании продолжительности влияния искровцев и братьев, диапазона процессов колонизации (см. выше) и степени конфессиональных влияний (см. ниже) можно предположить, что вышеупомянутый фактор не стоит переоценивать. Как видно из следующего отрывка, критический взгляд снова появился в первой половине XX столетия: «Письменный чешский язык у словаков не был плодом деятельности искровцев в Верхней Венгрии; это было бы невозможно из-за короткого периода времени.

¹ Особого внимания заслуживает дискуссия Йозефа Шкультети и Юлиуса Ботто в журнале «Slovenské pohľady» («Словацкие взгляды»).

Гуситские движения могли способствовать распространению у нас письменного чешского языка, однако он является плодом более длительного периода, насчитывающим как минимум полтора столетия, начиная с правления Карла IV, с момента основания Пражского университета» [Škultéty 1915: 296–297].

Следующей особенностью «гуситов» как элемента *символической плоскости* является их связь с *активным прозелитизмом, а также со строительством костелов и чаш*. Образ «гуситов» как строителей церквей, вероятно, основан на неопределенной формулировке в работе А. Бонфини «*Rerum Ungaricarum decades*» [Bonfinius 1744; ср. Koula 1901: 132–133]. Данные о предполагаемых гуситских церквях и чашах приводит Л. Бартоломеидес в работе «*Comitatus Gömöriensis notitia historico-geographico statistica*» [Bartholomaeides 1808: 8; ср. Varsik 1932: 23–24]. Упоминания о гуситских церквях, используемых в качестве фортификационных сооружений, и о чашах в Гемере мы находим, например, у С. Томашика [Tomášik 1971: 101].

В первой половине XX столетия мы наблюдаем интенсивное переосмысление символического понимания темы. Из работ этого периода мы, например, узнаем, что церкви, которые «искровцы использовали в качестве крепостей, они не строили сами. О некоторых церквях существует конкретная информация, что искровцы их лишь занимали и превращали в крепости» [Varsik 1932: 22]. В оборонительных целях они также использовали камни существующих католических костелов [Kratochvíl 1912: 17]. Что касается распространения веры, с фактографической точки зрения походы и нашествия гуситов в период до Липан, возможно, имели подобные цели, однако вследствие краткосрочности их пребывания в Словакии они не добились большого успеха [Kratochvíl 1912: 15; Varsik 1932: 9]. Дискуссионным остается вопрос, насколько долго сохранялось их влияние, поскольку после битвы при Липанах они вывели все свои отряды из Словакии. В период после Липан прозелитизму могли посвятить себя представители гуситов из подразделений искровцев. Для реконструкции степени их религиозного влияния, вероятно, важное значение имеет письмо от 1449 г., в котором венгерский сейм сообщает Риму о распространении «гуситской ереси» и о том, что в Спише и Шарише в нескольких приходах используются причастия под обоими видами [Petrík 1969: 41; Varsik 1932: 17; Kratochvíl 1912: 19]¹. Однако целью этого документа было спровоцировать ответ церковного верховенства, поэтому его достоверность касательно упомянутой угрозы следует воспринимать критически [Varsik 1932: 17]. С фактографической стороны даже в Гемере, Малохонте и Новограде, которые считались традиционно гуситскими, конкретные исторические документы о переходе местного населения к утравизму отсутствуют [Varsik 1932: 16]. Утрависты во времена искровцев имели серьезные проблемы, обусловленные отсутствием должным образом рукоположенных священников [Kratochvíl 1912: 17] и недостатками в области организации церковной жизни [Špirko 1937: 136]. Сами при этом они считали себя частью католической церкви [Kratochvíl 1912: 11, 21] и часто, казалось, довольствовались положением, когда католический священник совершал Евхаристии в двух вариантах. От римской церкви они отличались прежде всего богослужением на чешском языке, причащением мирян под обоими видами и причащением младенцев. Поэтому трудно говорить о широком распространении их церковных структур и веры.

¹ Ян Петрик в качестве документа, свидетельствующего о распространении утравизма, приводит также письмо Иоанна Капистрана, сообщавшего римскому папе о большом количестве тайных еретиков среди католиков [Petrík 1969: 41]. Данная часть письма, однако, согласно толкованию первой трети XX столетия, говорит скорее о необходимости гуситам скрываться в католической среде, после того как Искра покинул Венгрию. См.: [Kratochvíl 1912: 19].

На то, что традиционные представления о строительной деятельности «гуситов» в ряде случаев не совпадают с реальной датой возникновения церквей, указывают уже некоторые выводы Л. Бартоломеидеса¹. Я. Коула, который очень осторожно полемизирует с этой традицией и, никоим образом не преуменьшая авторитетность Бартоломеидеса², заключает, что в интерьерах «гуситских» церквей он не нашел никаких гуситских элементов; художественные формы в них восходят, по его мнению, к XVII в. [Koula 1901: 144]. В работах словацких и чешских авторов первой половины XX в. уже отмечалось, что церкви, которые традиционно приписывались гуситской строительной деятельности, как правило, были возведены в период до гуситов или после гуситов [Kvačala: 1935: 16, 21; Varsik 1932: 21; Kratochvíl 1912: 22; Koula 1901: 135], или же просто отсутствуют какие-либо указания на то, что они были построены гуситами [Varsik 1932: 136]. Доказано, что и чаши в церквях во многих случаях появились в более поздний период; это евангелическое выражение духовной связи с утраквизмом и близости к причастию под обоими видами; это, очевидно, касается и чаши в тисовском костеле, о которой, как и о чаше в костеле в Ратковой, Бартоломеидес говорит, что речь идет о чашах гуситского происхождения ([Bartholomaeides 1808: 277]; ср.: [Varsik: 1932: 23–24]). К действительно гуситским чашам, возможно, относится чаша в селе Раткова [Mikitová-Đurinda 2015: 72, 74].

Как мы уже отметили, предыдущие способы *символического понимания* присутствия искровцев и братьев в Словакии подчиняются функции защиты гуситско-евангелической преемственности. Особенности такого восприятия в определенной степени связаны с феноменом так называемого мифа о золотом веке. Характеризуя способ, который применяли в Словакии в период Просвещения и Национального Возрождения в конце XVIII в. для поисков смысла прошлого, идеи и программы будущего, Бранислав Варсик указывает, что «католическая Словакия, обращаясь к прошлому, находит контакт, находит идеи, на которых может далее строить, в идее кирилло-мефодиевской, в империи Великоморавской» [Varsik 1932: 49], и далее: «...евангелическая Словакия, исследуя прошлое своих предков... не могла не увидеть вершину своей исторической славы в славном гуситском периоде... даже если бы нити начала Реформации не достигали непосредственно гуситского периода, то несомненно его достигали основы их культуры» [Varsik 1932: 50]. В словацком культурном контексте мы находим множество свидетельств связи евангеликов с Яном Гусом и гуситами. Особенно отчетливы они в области основ сакральной культуры, в причастии мирян под обоими видами, в критике негативных явлений в деятельности церкви и в попытках их исправить, а также в использовании чешского как культурного и литургического языка. Известно также позитивное отношение Лютера к взглядам Яна Гуса [Petrík 1969: 38]. В то же время выявляется символический способ поиска «нитей» начала Реформации, когда «гуситы» изображаются как элемент, создавший условия для быстрого распространения Реформации в Словакии, особенно в Гемере и Малохонте (см., напр.: [Bartholomaeides 1808: 277]; ср. [Varsik 1932: 81]). Такой подход стал отправной точкой и конечной целью ранее сформировавшихся представлений о роли «гуситов», бытующих в литературных текстах словацких евангеликов в период Просвещения и Национального Возрождения.

¹ Эти выводы положительно оценивает Коула, когда пишет, что «Бартоломеидес правильно делает, когда лишь некоторые из костелов относит к гуситской эпохе, а другие считает более древними» [Koula 1901: 136].

² На точку зрения Коулы, вероятно, опирался и Алоис Ирасек при создании романа «Братство», [Urbánek 1921: 93].

Поиск нитей, ведущих от словацких евангеликов непосредственно к гуситам, в работах евангелистских авторов имеет специфический генезис. Например, Даниэль Крман в рукописной работе «Hungaria evangelica» 1718 г. делит евангелическую церковную историю на два этапа: от апостольского периода до Яна Гуса и от Яна Гуса до Жилинского синода [Kvačala 1935: 8]. Такое деление материала имеет, несомненно, *символический характер*, поскольку Гус и гуситы причисляются в данной работе к той же эпохе, что и Реформация. Но здесь, в полном соответствии с *фактографической плоскостью*, мы не находим включения гуситской традиции в собственно евангелическую церковную историю и поиска начал Реформации в рамках гуситства; первооткрывателей словацкой Реформации Крман видит в немецких магнатах ([Varsik 1932: 48]; ср. также [Kvačala 1935: 52]). Однако позже образ гуситско-евангелической преемственности в работах словацких евангеликов становится все более значимым. Богуслав Таблиц в «Краткой истории Аугсбургского исповедания» высказывает мысль о том, что гуситы подготовили почву для немецких реформаторов [Tablic 1808: 47]. Шафарик называет гуситов предшественниками «немецких реформаторов», которые «вызвали интерес к протестантскому учению не только у чехов, но и у словаков в Венгрии» [Schaffarik 1826: 382]. Ян Чаплович пишет, что учение гуситов «у нас проложило дорогу лютеранству, принесенному в Венгрию чешскими эмигрантами» [Čaplovič 1975: 228]. Само Томашик считает, что гуситы проложили дорогу к немецкому протестантизму [Tomášik 1971: 101] и что «свои религиозные книги они носили с собой, и их учились читать и понимать словаки, как и проповеди гуситских священников; они часто имели возможность слушать, посещая их богослужения, и это стало причиной того, что потом Реформация на удивление быстро распространилась среди словаков» [Tomášik 1921: 52]. В символической плоскости не отражается тот факт, что Реформация находила отклик в среде этнических немцев и распространялась прежде всего через аристократию (ср. [Kvačala 1935: 40, 52]), а не через оставшихся словацких и чешских утравкистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исторических работ словацких евангеликов с XVIII столетия заметно включение феномена гуситства, искровцев и братьев в историю евангелической церкви. Такие литературные тексты представляют символический комплекс, составными элементами которого являются: синкретическое понимание гуситов, искровцев и братьев; идеализация их сосуществования с местным населением, рассуждения о колонизации чехами соседних территорий в Словакии, об укоренении чешского языка в Словакии благодаря гуситам, об успешном прозелитизме и строительстве церквей, в конце концов, о гуситско-евангелической преемственности, который является отправной точкой и целью предыдущих усилий. Основной функцией, соответствующей тому времени, была защита законности и пространства для развития евангелических традиций. На рубеже XIX и XX вв., и прежде всего в первой половине XX в., такие интерпретации интенсивно критически осмысляются и пересматриваются, причем внимание акцентируется не на исторической преемственности, а на духовной связи, — хотя в некоторой степени и на исторической преемственности, опосредованной процессами, протекающими на чешской территории. Традиционные интерпретации под сомнение ставят сначала чешские авторы: Франтишек Палацкий, Йозеф Добровский, Ян Коула, Эдгар Кратохвил. Эти критические взгляды на рубеже XIX–XX вв. и в первой половине XX столетия в Словакии попали на плодородную почву (Ян Моцко, Павол

Крижко, Йозеф Шкультеты и на качественно новом уровне – историки Бранислав Варсик, Ян Квачала и др.), что связано с утратой символическим комплексом своей функциональности в связи с современными социальными потребностями данного сообщества и особенно с широким распространением позитивистской методологии в исторической науке. В этот период завершается данная традиция в истории литературной рефлексии и исторического понимания проблематики гуситов, искровцев и братьев.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bartolomaeides L. (1783) De Bohemis Kishontensibus antiquis et hodiernis commentario historica, qua res patriae illustrare volvit Ladislaus Bartolomaeides Hungarus. Wittenbergae. Litteris Adami Christiani Charisii. 18 p.
2. Bartholomaeides L. (1805–1808) Inclyti superioris Ungariae comitatus Gömöriensis notitia historico-geographico statistica: Cum tabella, faciem regionis, et delineationem cavernarum ad Agtelek, exhibente. Leutschoviae. Mayer. 782 p.
3. Belius M. Praefatio. Lectori benevolo S.P.D. Matthias Belius. In: Doleschalius P., Belius M.: Grammatica Slavico-Bohemica: in qua, Praeter Alia, Ratio Accuratae Scriptionis & Flexionis, quae in hac Lingua magnis difficultatibus laborat, ex genuinis fundamentis, demonstratur ut et discrimen inter dialectum Bohemorum & Cultiorum Slavorum in Hungaria insinuat; cum appendice, Quae, tum.... Posonium. Typis Royerianis. 1746. 321 p.
4. Bonfinius M.A. (1744) Rerum Ungaricarum decades IV. cum dimidia seu libri 45 gesta Hunnorum et Ungarorum á primis... complexi. 6. editio. Posonii. [S.N.]. 643 p.
5. Botto J. Starí a terajší husiti gemersko-malohontskí. *Slovenské pohľady*. Ročník VI. Rok 1886, ss. 85–89.
6. Čaplovič J. (1975) O Slovensku a Slovákoch. Bratislava. Tatran. 267 s.
7. Hodža M.M. (1970) Dobruo slovo Slovákom súcim na slovo. Bratislava. Tatran. 133 s.
8. Hurban J.M. Slovensko a jeho život literárni. V: Slovenske Pohľady na Vedy, Umeň a Literatúru. Diel I., zv. 1 / Odpovední Redaktor a Vidavateľ M.J. Hurban. V Skalici. V Tlačjarni Fraňa Xaviera Škarnicla a Sinou. 1846, ss. 14–36.
9. Kollár J. (1845) Dila básnická Jana Kollára we dwau djljch. W Budíně: wytištěna literami Gyuriána a Bagó. [328], 58, [2] s.
10. Koula J. Příspěvek k poznání “husitských” kostelíků na Slovensku. V: Slovensko. Sborník statí věnovaných kraji a lidu slovenskému. Praha. Umělecká Beseda. 1901, ss. 132–144.
11. Kratochvíl E. (1912) Protestantismus a architektura. Praha. Šolc. 117 s.
12. Križko P. Stredoveké národnostné pomery na Slovensku. V: Sborník Muzeálnej slovenskej spoločnosti II/2. Turčiansky Sv. Martin. Muzeálna slovenská spoločnosť. 1897, ss. 153–178.
13. Kvačala J. (1935) Dejiny reformácie na Slovensku [1517–1711]. Lipt. Sv. Mikuláš. Tranoscius. 303 s.
14. Meltzer V.F. (1931) Das Hussitentum in der Zips und seine Bedeutung für die Reformation dieser deutschen Sprachinsel. Triltsch. 55 s.
15. Mikitová M., Ďurinda M. (2015) Ratková v historických a archívnych retrospektívach. Martin. Vydavateľstvo Matice slovenskej. 160 s.
16. Palacký F. (1857) Dějiny národu českého. Díl IV, částka 1. Praha. Bedřich Tempský. 482 s.
17. Patera A. (ed.) Korrespondence Josefa Dobrovského. IV díl. Vzájemné listy Jos. Dobrovského a Jiř. Ribaye z let 1783–1810. Praha. Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. 1906. 406 s.

18. Pauliny E. (1983) Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava. SPN. 248 s.
19. Petrik J. (1948) Chrámové agendy slovenskej evanj. a. v. cirkvi. Liptovský sv. Mikuláš. Tranoscius. 177 s.
20. Petrik J. (1969) Kapitoly z domácich cirkevných dejín. Bratislava. Slovenská evanjelická bohoslovecká fakulta. 277 s.
21. Schaffarik P.J. (1826) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen: Mit kön.ung. Universitäts Schriften. 548 s.
22. Škultéty J. Myjava / Sost. J. Bodnár. *Slovenské Pohľady*. Sošit 4–5. Rok 1915, ss. 291–304.
23. Šmatlák S. Dejiny slovenskej literatúry od stredoveku po súčasnosť. 1. vyd. Bratislava: Tatran, 1988. 623 s.
24. Špirko J. (1937) Husiti, jiskrovci a bratříci v dejinách Spiša (1431–1462). Spišská Kapitula: Spišský dejepisný spolok v Levoči. 146 s.
25. Štúr L. (1956) Dielo v 5 zväzkoch. Slovania bratia. Bratislava. SVKL. 443 s.
26. Štúr L. (1956) Dielo v 5 zväzkoch. Slovania bratia. Bratislava. SVKL. 443 s.
27. Tablic B. Kratičká Hystorie Augsspurského Wyznánj. V: Augsspurská Konfessý, aneb, Wyznánj Wjry Neygasnégssjmu Cýsaři Karlowi Vtému, od Knjžat a měst Německé Řžjsse čis-tého včenj ewangelického se přidržegjých, na sněmě Augsspurském Léta Páně 1530 podané, nynj znouu přehlédnuté, a s některými přjdavky vydané od Bohuslawe Tablice. We Wacowě. 1808, ss. 1–253.
28. Tomášik S. (1971) Ohne na Muráni / Prekladateľ, autor záverečného článku dr. Milan Pišút. Bratislava. Tatran. 548 s.
29. Tomášik S. (1921) Pamätnosti Gemersko-Malohontské. Rimavská Sobota. Miestny odbor Matice slovenskej. 111 s.
30. Urbánek R. Jirásek a doba poděbradská. V: Alois Jirásek. Sborník studií a vzpomínek na počest jeho sedmdesátých narozenin / Ed.: M. Hýsek, Mádl K. Boromejský. Praha. Jan Otto. 1921, ss. 32–133.
31. Varsik B. (1932) Husiti a reformácia na Slovensku do Žilinskej synody. Sborník filoz. fakul-ty UK. Roč. VIII. Č. 62(3). Bratislava: Tlačou "Universum", Účast. tlačiareň v Bratislave. 228 s.
32. Varsik B. (1965) Husitské revolučné hnutie a Slovensko. Bratislava. Vydavateľstvo Slo-venskej Akadémie Vied. 374 s.
33. Veselý D. (2004) Dejiny kresťanstva a reformácie na Slovensku. Liptovský Mikuláš. Tranoscius. 382 s.

Сведения об авторе:

Мартин Браксаторис,
доктор философии
научный сотрудник
Институт словацкой литературы
Словацкая Академия наук

Martin Braxatoris,
Doctor of Philosophy
Researcher
Institute of Slovak Literature
Slovak Academy of Sciences

braxatoris@mail.ru